

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА А.С. ПУШКИНА: К ВОПРОСУ О ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ*

Аннотация. В статье рассматриваются национальные истоки духовно-нравственного идеала А.С. Пушкина, эволюция его творческого пути, генезис поэтического вдохновения и формирование взглядов на национально-русской основе. Обосновывается выделение трех периодов в творческом развитии поэта; переоценка ценностей и размышления о воспитании в России, пришедшие на михайловский период, позволяют интерпретировать созданные в эти годы произведения сквозь призму духовного мироосмысления народа с учетом художественных интересов Пушкина. Привлекаются (в рамках статьи) необходимые источниковедческие данные и исследования специалистов. Анализу подлежат историческая трагедия «Борис Годунов», стихотворение «Пророк», записка «О народном воспитании» и др. Пушкин выступает против «влияния чужеземного идеологизма» и напряженно размышляет о путях русского просвещения; сказанное им имеет воспитательное значение в формировании характера русского человека и в становлении государственной личности; ибо и власть и народ в ответе за Россию перед лицом истории и вечности.

Ключевые слова: духовность, мировоззрение, просвещение, словесность, нравственность, идеалы, личность, государство, мироощущение, романтизм, историзм, традиции, ментальность, Православие, воспитание, отечество, дом, семья, быт, патриотизм, народность, долг, честь, счастье, жертвенность, добродетель, благочестие, историческая драматургия, национальная ответственность, просвещение, консерватизм и др.

A. Shmeleva

NATIONAL SOURCES OF PUSHKIN'S SPIRITUAL AND MORAL IDEAL: A PROB-

* © Шмелёва А.В.

При финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Государственный контракт П2198 от 09 ноября 2009 г. (с учетом дополнения П2198/1 от 02 апреля 2010 г.). Тема: «Человек и общество: проблемы духовно-нравственного идеала личности в романтической литературе».

LEM OF EDUCATIVE VALUE OF RUSSIAN LITERATURE

Abstract: The article deals with national sources of Pushkin's spiritual and moral ideal, his evolution as a creative personality, genesis of his poetical inspiration and development of his outlook on a national basis. The article justifies the division of Pushkin's creative development into three periods. Revaluation of values which took place during Mikhaylovski period allows us to interpret Pushkin's works of that period referring both folk Russian outlook and literary interests of Pushkin himself. The article operates necessary source data and researches. Special investigation is dedicated to the tragedy "Boris Godunov", the verse "The Prophet", the note "Of public education" and some other works of Pushkin. Pushkin boldly opposes "the influence of outlandish ideology" and tensely reflects on the ways of Russian enlightenment. And this aspect of his thoughts has an educative value for all those, who love Russia and take responsibility for its fate.

Key words: spirituality, world outlook, enlightenment, literature, morality, ideal, personality, state, attitude, Romanticism, historicism, tradition, mentality, orthodoxy, education, motherland, home, family, mode of life, patriotism, nationality, duty, honor, happiness, sacrifice, virtue, piety, historical drama, national responsibility, conservatism.

В октябре 1824 года А.С. Пушкин писал брату Льву Сергеевичу: «Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки своего проклятого воспитания». Столь горячая фраза была обусловлена бытием поэта, в которое после продолжительной командировки на юг России – этот период больше любят называть южной ссылкой – попадает на неизвестное ему время в деревню, когда-то, а точнее в 1819 году, пророчески им названную «приютом спокойствия, трудов и вдохновенья». Теперь же ничто не омрачает душу поэта, разве что оторванность от друзей, столиц, светского воздуха; но жизнь Пушкина динамична, лишена постоянства, то веселье, то похмелье, то уединение, то путешествие, то вновь

уединение, то вновь шумные общения, однако эта пестрота не была так хаотична, как она может восприниматься, если не прочитывать созданное поэтом на всех путях его жизни. И если жизнь и творчество поэта рассматривать в духовной проекции, то открывается лестница его бытия, причем бытия христианина, поэта-христианина. В.Ю. Троицкий убедительно отметил, что перелом в сторону веры у Пушкина совершается на двадцать первом году [1], а пересмотр взглядов юности и прежнего образа жизни Б.А. Васильев относит к 1823 году [2]. Проявление глубокого религиозного мироощущения начинается отчетливо проступать в произведениях Пушкина под сению михайловских роц. Михайловское стало подлинным «лоном счастья и вдохновенья» для Пушкина. Л.А. Казин, разделивший поэзию Пушкина на три периода, во втором особенно выделяет трагедию «Борис Годунов», как некий художественный символ, олицетворяющий восхождение ее автора к полноте Православия, при этом впервые в русской драматургии отразив «харизматическую природу русской монархии» [3].

Почти через месяц после указанного письма к брату Пушкин начинает работать над исторической трагедией из времен Смуты, работает увлеченно и... убежденно, а потому свершившееся творение не укладывается в привычные пушкинские художественные формы. Пребывание в Михайловском стало поистине новым периодом как в жизни, так и в творчестве; именно здесь в Пушкине пробуждаются и оттачиваются национально-исторические взгляды, народное восприятие, народные идеалы, ощущение себя русским и причастным к родной истории. Недостатки воспитания восполняются общением с простым народом, с крестьянскими детьми, с братьями Святогорского Успенского монастыря, чтение летописей в котором позволяет выработать свою собственную позицию философа истории, противостоящую официальным историческим сочинениям, включая «Историю...» самого маститого Н.М. Карамзина. Но парадокса в том нет, что именно его «драгоценной для россиян памяти» посвятит автор свой труд, который так тянет назвать «эхом русского народа».

Картины родной тишины, трогательный образ семейных отношений Царя Бориса, жертвенная любовь царевны Ксении – раскрывалось под пером поэта в несомненных истинах русской веры и народных воззрений. «Что, Ксения? Что, милая моя? / В невестах

уж печальная вдовица! / Все плачешь ты о мертвом женихе. / Дитя мое! судьба не судила / Виновником быть вашего блаженства. / Я, может быть, прогневал небеса, / Я счастье твое не мог устроить. / Безвинная, зачем же ты страдаешь?» [4] – в речи царственного родителя слышится народная песенная традиция, языком простого народа общается Царь Борис со своими детьми. Другое дело: как, каким образом Пушкин, лишенный в детстве лишенный в детстве той теплоты и благости семейного очага и к тому времени еще не обремененный сам узами брака, мог так живописать общение родителя со своим чадом. Здесь не только следование духу времени, нет, это не механическая работа по реконструкции языка эпохи, здесь, пожалуй, дело, куда более значимое, связанное с духовным перерождением автора, который здесь, в родовом имени, вдруг стал внутренним созерцателем самобытных начал русского народа. Может быть, Михайловское – эта та духовная «пустыня», в которой и происходит преобразование поэта в поэта-пророка, столь символично описанная в 1826 году, в Михайловском, после завершения работы над трагедией?!

Народные идеалы воплощены Пушкиным в детях Царя, царевне Ксении и царевиче Феодоре. Речь написанного в народном духе исторического персонажа, в драматическом произведении раскрывающая его характер, выявляет многоголосье национального бытия. И в этом ключе «Борис Годунов» – гениальное творение автора. Дети Царя немногословны, многословие и пафос как раз не дают позитивного эффекта положительным персонажам, речь лишена пафоса. Словно кроткая голубица, Ксения отдает себя Промыслу и со смирением принимает ниспосланные ей свыше испытания. «Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте – а темной могилке на чужой сторонке. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать» (VII, 41) – плач-молитва царевны Ксении вводит ее в галерею лучших национальных героинь русского народа. Пушкинская Ксения на страницах трагедии предстает именно такой, какой и видел ее русский народ. Исторические песни XVII столетия, содержащие сказания о горестной ее судьбе («Сплачется мала птичка», «А сплачется на Москве царевна» и др.), сложенные, по предположению В.Ф. Миллера, к 1606 году – времени перенесения останков семьи Годуновых в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, отражают сочувствие к судьбе русской

царевны [5]. В отличие от создателей «Плача Ксении Годуновой», представляющих юную девицу-сироту в предчувствии предстоящих ей жизненных испытаний, Пушкина интересовала высота ее нравственного духа, потому он делает акцент на ее твердых нравственных установках, воспитанных в ней родительским кровом; ее горе сопереживает с ней ее венценосный отец, заставляя читателей быть небезучастными к тому, как камни зависти и клеветы, летящие в вихре исторического времени, способны разрушить идеально устроенное земное, но сакральные струны истории неколебимы, неколебима и народная память. Христианскую кротость русской царевны противопоставляет Пушкин надменности польской паны, возмечтавшей о русском троне (феномен женщины «с неженскою душой» и его результат поэт в полноте красок даст уже в зрелом шедевре, в поэме «Полтава»). Противопоставляет Пушкин и семейные ценности России и Европы в олицетворяющих страны династиях – Годуновых и Мнишек. И в этом противостоянии гибнет русская царственная семья, словно принося себя в жертву, взойдя на первую в России царскую Голгофу.

Женский идеал, связанный с образом царевны Ксении, был подготовлен художественными исканиями Пушкина в предшествующий период. Будучи на юге России, он напишет романтическую поэму «Бахчисарайский фонтан», в которой полька Мария сохранила в плену воспитанное в ней ее семьей христианское благочестие. Лишившись Отечества, близких ее сердцу, она не рассталась с единственным сокровенным ее земным сокровищем – верой предков, благодаря чему в гареме хана была спасаема от духовного прельщения и нравственного разложения. В чужой стране, «пустыне мира», не в силах забыть «мгновений жизни дорогих», она возносит свою горячую молитву Творцу и Приснодеве. «И между тем, как все вокруг / В безумной неге утопает, / Святыни строго скрывает / Спасенный чудом уголок», где «день и ночь горит лампада / Пред ликом Девы Пресвятой» (IV, 162) – это и соединяет Марию с тем миром, которого чаяло ее сердце, потому кончина пленницы-христианки не заключает в себе трагизма, но ханский дворец изменился, навсегда сделавшись «пустым и угрюмым». Священник Вячеслав Резников заметил, что «Гирей сначала овладевает Заремой, затем буквально бросает ее, как вещь, а перед Марией смиряется до того, что «боится девы пленной / печальный возмутить покой»»,

поскольку «взор Гирея притянут к Марии, а следовательно, в ту же сторону, куда она стремится» [6]. Владыка Бахчисарая сохраняет память о ней, воздвигнув мраморный фонтан, над которым «крестом осенена магометанская луна» – «символ дерзновенный» (VII, 167). Именно христианский крест «наиболее полно выражал мир Марии в глазах хана» [7]. Вот так при виде жалкого фонтана, каким его увидел Пушкин, художественная мысль поэта постигала глубины времени, находя в них опоры нравственного бытия. Как апофеоз женский идеал будет отточен Пушкиным в третьем, последнем периоде творческой миссии, и связан с Татьяной Лариной, принявшей уроки Онегина и выдержавшей искус при чтении книг в его библиотеке, образом – народным по сознанию. Она отвергает пробудившуюся любовь Онегина ради него самого, ради любви к нему – и это убедительно раскрыто В.С. Непомнящим в его исследованиях [8] – и ради долга. Татьяна ответственна за свои поступки. Ответственность и жертвенность во имя долга надмирны, именно они в русской национальной культуре имеют приоритет перед прочими чувствами, что и смог уловить Пушкин своим прозорливым поэтическим чутьем. Однако картины семейного счастья и возможной полноты любви Пушкин не обойдет стороной, роман «Капитанская дочка» даст еще один яркий штрих в созданную Пушкиным картину мира, открывающей масштабы национального бытия.

Идеал русской семьи, запечатленный в «Борисе Годунове», дан Пушкиным в выстроенной горизонтали: отец – сын (наследие – наследник), расширенный до отцовство – Отечество, а в вертикали – ответственность за детей проецируется на ответственность за державу, и в этом аспекте, конечно, Царю Борису Феодоровичу присуща государева ответственность. Христианскую заботу испытывает пушкинский Борис-отец по отношению к сыну и к сыну как наследнику престола. Проявление интереса к досугу сына-царевича продиктовано желанием узнать, как используется время, отведенное на самостоятельную его реализацию. И Царь вполне удовлетворен, поскольку отведенную свободу Феодор использует на собственное образование, и отец находит мудрые слова, дабы поддержать поры к приобретению знаний: «Учись, мой сын: наука сокращает / Нам опыты быстротекущей жизни», «Учись, мой сын, и легче и яснее / Державный труд ты будешь постигать» (VII, 43). Как видно, под мудрым сове-

том, разумным словом и родительской лаской возрастают царственные дети. Уже в Москве, бывая на проповедях митрополита Филарета (Дроздова), Пушкин мог услышать то, что прозревал в михайловском уединении: «... в семействе лежат семена всего, что потом раскрылось и возросло в великом семействе, которое называют государством» [9]. Когда Государь будет давать свои последние царско-отцовские наставления цесаревичу-сыну о том, как управлять державой и что делать в первые дни царствования, то среди них слышатся и наставления, касающиеся сбережения нравственности и следования не только внутренней самодисциплине:

*О милый сын, ты входишь в те лета,
Когда нам кровь волнует женский лик.
Храни, храни святую чистоту,
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьях
В молодые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет (VII, 91),*

но и внешней дисциплине – «со строгостью хранить устав церковный». И опять-таки: как, каким образом Пушкин, познавший уже в ранней юности эти волнения от «женского лика», так ясно видит и последствия, причем в духовном отношении весьма и весьма серьезные, и едва ли в юности сам исполняющий традиции Церкви, вдруг поднимает вообще эту тему – строго хранить устав церковный. А принцип самодержавной власти («не изменять течения дел»), по существу хранить начала монархической власти, едва ли популярные в Александровскую эпоху, – кульминация Борисовых наставлений. Царевичу Феодору чуждо стремление к власти, причем законной, и в этом проявление здорового воспитания. В Михайловском, работая над текстом трагедии, Пушкин читал последние выходящие в то время в свет тома исторического сочинения Н.М. Карамзина, а потому знал о просветительской деятельности Царя Бориса Годунова, о его желании создать прочную систему всесословного образования в государстве. «В усердной любви к гражданскому образованию Борис превзошел всех древних венценосцев России, имев намерение завести школы и даже университеты», он переписывался с европейскими профессорами, отправил учиться молодых бояр европейским наукам, принимал на службу чиновников, лекарей, художников, самых разных ремесленников [10] – и все для блага России.

Смута перечеркнула все достигнутое эпохой «могущих Иоаннов» и деятельностью Бориса Феодоровича, а судьба страны стала судьбой его семьи.

Осенью 1826 года Пушкин подает новому Императору Николаю I Павловичу записку под названием «О народном воспитании». «Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения» (XI, 43) – так начинался пушкинский текст. Излагаемые положения документа вытекали из глубоких раздумий поэта над русской действительностью и могли бы послужить государственной программой, как минимум – концепцией по восстановлению в России должного воспитания и образования. Смелость Пушкина была вполне оправдана: еще в 1822 году он написал заметки по русской истории XVIII века, дав почти непредвзятую характеристику власти держащим и ярко обозначил роль русского духовенства и греческого вероисповедания в определении русского национального характера и вектора русского просвещения. Появление записки 1826 года было вызвано восприятием событий декабря 1825 года в Петербурге на Сенатской площади. «Политические изменения, вынужденные у других народов силой обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий» (XI, 43) – так Пушкин характеризовал попытку изменить «течение дел», причину которой он видел вслед за отсутствием должного просвещения и нравственности в домашнем воспитании, «самом недостаточном и самом безнравственном» (XI, 44). Сам же Пушкин осознал состояние воспитания чуть раньше описываемых событий, о чем и сообщал в письме к брату. Из декабристов в то время никто не делал героев, и Пушкин не боялся обидеть тем самым своих бунтовщиков друзей, дорогих его сердцу по-прежнему, но сам факт восстания... Через несколько лет он вернется к теме анатомии русского бунта, его Петр Андреевич Гринев («Капитанская дочка») оставит завет грядущим поколениям, что уж куда яснее скажет и о позиции самого автора: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный» (VIII/I, 383). Известна была и оценка происходящего харьковским попечителем А.А. Перовским (Погорельским), так же усмотревшем слабости в воспитании юношества: «В России же при образовании юношества надлежит в осо-

бенности избегать всего, что только, каким бы ни было образом, может ослабить приверженность к престолу, сему краеугольному камню огромного здания. Каждое отступление от сего правила рано или поздно должно произвести вредные последствия» [11].

В триумфальном шествии победоносной русской армии по Европе Пушкин, как и многие его современники, увидели причины поражения сознания большей части русских офицеров. Исследующий ту эпоху французский дипломат и писатель не смог не признать, что «вернувшиеся домой после французской кампании офицеры» завязали в Париже «тесные дружеские связи в масонских ложах» и стали недовольны военной дисциплиной и существующими порядками в России [12]. В.Н. Касаткина в своем исследовании приводит тот факт, что «На следствии, объясняя причины своего свободолюбия и образа действий, Рылеев говорил, что он «заразился» свободомыслием во время походов во Францию в 1814-1815 годах» [13]. А.А. Бестужев во «Взгляде на русскую словесность в течение 1823 года» и за 1825 год писал об одном: «Войска возвращались с лаврами на челе, но с французскими фразами на устах, и затаившаяся страсть к галлицизмам захватила вдруг все состояния сильнее, чем когда-либо»; «Мы всосали с молоком матери безнародность и удивление только чужому»; а французская литература, на которой «мы выросли» вовсе «не сходна с нравом русского народа, ни с духом русского языка» [14]. «Возмутительные книги» «мнимых философов, будто одушевленных любовью к ближнему» [15] буквально распространялись в частях русской армии. Автор этих строк при этом писала графу А.Х. Бенкендорфу: «Образование воспитывающихся на счет нравственности находится в величайшем упущении; мадамы при девицах без всякого воспитания <...> Воспитывающиеся мальчики так же находятся без всякого надзора и образования» [16]. Пушкин в пагубных явлениях современной ему действительности усматривать воздействие литературы, которая превратилась в «рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни» (XI, 43), что лишает опоры «первоначальных начертаний воспитания». В своей записке он продолжает: «Во всех почти училищах дети занимаются литературою, составляют общества, даже печатают свои сочинения в светских журналах. Все это отвлекает от учения, приучает детей к мелочным успехам и ограничивает идеи, уже и без того слишком у

нас ограниченные» (XI, 46); тринадцать лет назад, когда в печати появился первый пушкинский перл, литература «не имела никакого направления» (XI, 43), потому Пушкин прошел свой путь «...от разочарования и безверия – к вере и молитве, от революционного бунтарства – к мудрой государственности, от юношеского многолюбия – к культу семейного очага, от мечтательного свободолюбия – к трезвому, оберегающему преемственность исторического развития консерватизму...» [17].

Просвещение, по Пушкину, способно исцелить «злонамеренные» замыслы, когда оно чуждо «влиянию чужеземного идеологизма», в противном случае просвещение (восходящее к миссии: Свет Христов просвещает всех – зримые с внешней алтарной стены Университетской церкви св. мц. Татианы с момента ее основания) дает иные плоды. Каковы пути просвещения в России? – над этим Пушкин постоянно размышляет: в 1821 году он ищет «в просвещении стать с веком наравне» (II, 187), в 1830-м в наброске: «О сколько нам открытий чудных / Готовит просвещенья дух!..», а через год, в незавершенном: «Ты просвещением свой разум осветил, / Ты правды чистый свет увидел, / И нежно чуждые народы полюбил, / И мудро свой возненавидел». Не будем приводить исторический контекст, в связи с чем был написан этот текст, важно другое: есть истинное, основанное на национальных ценностях, просвещение и чуждое России. Митрополит Филарет (Дроздов) говорил: «Просвещение приносит благие плоды обществу, когда основанием ему служит вера». В 1840 году Е.П. Растопчина недвусмысленно напишет: «О Боже! где Твой гром? И скоро ль осужденье / мятежных выходцев достойно поразит?.. / Но если с всяким злом дар просвещения слит, / Пусть нас минует просвещенье!» В 1826 году в России был создан Комитет по устройству учебных заведений, в обязанности которого входило обеспечение в них единообразия воспитательного процесса, в 1827 году Император настоятельно рекомендовал новоучрежденному органу следить за тем, чтобы предметы и методы преподавания в российских школах соответствовали «общим понятиям о вере, законах и нравственности». Пушкинскую записку по праву можно считать генератором просветительских начинаний в николаевскую эпоху, голос поэта звучал действительно как «эхо русского народа», призывая к исторической ответственности за судьбу Отечества и сохранению нашей национальной памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Троицкий В.Ю. Вечный гений // Вопросы литературы, 1999. – № 2.
2. Васильев Б.А. Духовный путь Пушкина. – М., 1994.
3. Казин Л.А. Последнее царство. Русская православная цивилизация. – СПб., 1998. – С. 48-49.
4. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т., том 17 справочный. – М.; Л., 1937-1959. – Т. VII. – С. 42-43. Далее все ссылки на это издание приводятся в тексте, с указанием тома и страницы.
5. См.: Русские исторические песни 17 века. – М.; Л., 1966. – С. 44-45.
6. Резников Вячеслав, священник. Размышления на пути к вере (о поэзии А.С. Пушкина). – М., 1997. – С. 15,16.
7. Там же. – С. 19.
8. Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. Статьи и заметки о Пушкине. – М., 1983.
9. Государственное учение Филарета Митрополита Московского. – М., 1883. – С. 6, 52.
10. Карамзин Н.М. Предания веков. – М., 1988. – С. 639.
11. «Русская Старина», 1901. – № 5. – С. 365.
12. Валлоттон А. Александр. – М., 1991. – С. 318. I.
13. Касаткина В.Н. поэзия гражданского подвига. – М., 1987. – С. 44.
14. Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. – М.; Л., 1951. – С. 543, 544.
15. Фраза взята из донесений «секретного агента» А.Х. Бенкендорфа Е.А. Хотяинцевой, бывшей в то время в Париже. – См.: Филин М.Д. Секретный агент вблизи Пушкина. Донесения Е.А. Хотяинцевой / Филин М.Д. О Пушкине и окрест поэта. Из архивных разысканий. – М., 1997. – С. 47.
16. Там же. – С. 50-51.
17. Лебедев Ю.В. Художественный мир А.С. Пушкина и русская мысль / Филология и школа. Труды Всероссийских научно-практических конференций «Филология и школа». Выпуск I. Отв. ред. В.Ю. Троицкий. – ИМЛИ РАН, 2003. – С. 227.